

УДК 811.161.1

Нагорный И.А.*Белгородский государственный национальный исследовательский университет***КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ КАК БЫ:
К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОПУСТОШЁННОСТИ СЛОВА***

Аннотация. В статье исследуются коммуникативно-прагматические функции частицы *как бы*, которая описывается и как семантически опустошённый, десемантизированный элемент (скреп), и как фиксатор точки зрения квалифицирующего субъекта, служащий для привлечения внимания собеседника к авторскому «я». Устанавливается, что частичная семантическая опустошённость частицы *как бы* не является препятствием её функционирования в речи как знака коммуникативно ориентированного, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к речевой ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

Ключевые слова: частица, функции, десемантизация, модальность, говорящий, адресат.

I. Nagorny*Belgorod State National Research University***COMMUNICATIVE-PRAGMATIC FUNCTION OF THE PARTICLE КАК БЫ:
THE PROBLEM OF SEMANTIC EMPTINESS OF WORDS**

Abstract. The article examines the communicative and pragmatic function of the particle *как бы*, which is described as a semantically devastated desemantised element, and as a catch of the standpoint of a qualifying party that serves to attract the attention of the interlocutor to the author's «self». It is established that the partial semantic emptiness of particle *как бы* is not an obstacle in its functioning as a communicative speech-oriented sign, with which the speaker performs «bind» of his/her statements to the speech situation in coordinates «I - here - now.»

Keywords: particle, functions, desemantised, modality, speaker, destination.

Введение. Постановка проблемы. Начало XXI века – период активного оживления языковой системы, обусловленный фактором глобализации, проявившем себя во многих сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в сфере коммуникации. Указанный временной период характеризуется массовым проникновением в русский язык англицизмов, сленговых элементов, разного рода новообразований.

Характерным оказывается в этом плане и процесс семантического опустошения некоторых слов. В частности, в молодёжной среде начинает проявляться процесс трансформационного развития значения частицы *как бы*. Нивелирование первичного модального значения данного служебного слова, активизация новых функциональных характеристик, и, наконец, разделение активного

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196
© Нагорный И.А., 2015.

грамматико-лексического потенциала частицы *как бы* получили своё развитие в том, что к настоящему времени мы имеем фактически омонимичные языково-речевые эквиваленты – грамматически служебную, «полновесную» частицу *как бы* с присущей ей субъективно-модальной семантикой и её семантически опустошённый звуковой эквивалент *как бы* с нивелированным сравнительно-предположительным и актуализированным выделительным значением. Если модальная частица *как бы* – это стабильный элемент языковой системы с чётко выраженной грамматической и коммуникативно-прагматической статусной составляющей, то её семантически опустошённый эквивалент – это совершенно новый по историческим меркам, сугубо речевой элемент, в различных речевых контекстах градуируемый как полностью или частично семантически трансформированный: *Я вчера как бы иду по улице, вижу его, а он ко мне не подходит* (Интернет); *В этом планшете как бы четыре гигабайта оперативной памяти. Это немало. И процессор четырёхядерный* (Интернет). Будучи исконно служебной, частица *как бы* вплоть до конца 90-х годов прошлого столетия применялась коммуникантами сугубо для квалификации автором высказываемого в сравнительно-предположительном аспекте. При этом модальная составляющая в семантике частицы превалировала над всеми другими прагматическими составляющими.

Цель и задачи работы. В функционально-прагматическом аспекте семантически опустошённая частица *как бы* представляет собой интересный образец изначально наделённого

в языке богатыми семантическими потенциями элемента, с которым в последние два десятилетия произошли серьёзные смысловые и функциональные трансформации. Описать данные трансформации, установить коммуникативно-прагматические функции семантически опустошённого элемента *как бы* составляет цель настоящей статьи.

Постановка вопроса в лингвистических исследованиях. Многоаспектное функциональное описание семантически опустошённых частиц русского языка в лингвистике отсутствует. Не представлены в отечественном и зарубежном языкознании коммуникативный, социолингвистический и когнитивный аспекты разработки данной проблемы. Частные аспекты ментальных операций субъекта, в частности логический и прагматический, разрабатывались в работах Л. Витгенштейна [3], Я. Хинтикки [7], В.В. Целищева [8]. Грамматический аспект описания частиц как служебных слов представлен в работах В.В. Виноградова [2], Н.Ю. Шведовой [9], А.Н. Васильевой [1], Т.М. Николаевой [5], Е.А. Стародумовой [6] и др.

Основная часть. Предположение, сравнение, колебание, кажимость – это универсальные мыслительные операции, которые базируются на комплексе логико-семиотических, семантических, коммуникационных и прагматических аспектов характеристики предложения как языковой формы выражения мысли и высказывания как реализации предложения в речи [4]. Данные операции оказываются, с одной стороны, характерными для человека вообще, вне зависимости от принадлежности последнего к тому

или иному культурному или историческому этносу. С другой стороны, универсальность указанных операций интегрируется со специфичностью средств их выражения в национальных языках, в том числе и в русском, в котором выработаны оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения предположения и сравнения. Языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальной языковой картине мира и представляют собой упорядоченную сферу с чётко проявленной ядерно-периферийной организацией.

Предположение, сравнение, колебание, кажимость оформляются на языково-речевом уровне как «точка зрения» говорящего, личностное мнение субъекта: предполагая о чём-либо, сомневаясь в чём-либо, говорящий субъективно квалифицирует событие. Данная квалификация всегда осуществляется с позиции «здесь» и «сейчас» как констатация недостоверности сообщаемого, вводит в предложение/речевое высказывание оценочную характеристику события, накладывая её на пропозитивное содержание языковой конструкции. Субъективно-модальная квалификация осуществляется, таким образом, субъектом относительно объекта квалификации, и в операционном ключе имеет собственный план содержания и план выражения.

План содержания предположительного сравнения, колебания, кажимости как квалификативных смыслов в своей основе универсален для национальных языковых картин мира. Частные отличия базируются на факторах, обусловленных различными социальными, историческими и культурологическими условиями. План выражения

указанных ментальных операций в различных языках, как правило, оригинален. Проблема адекватности передачи, восприятия и сохранения информации в процессе коммуникации заставляет учитывать это.

В русском языке, наряду с лексически полнозначными словами (*предположение, предполагать, предположительный, казаться, колебаться* и т. п.), модальными словами (*может быть, наверное, кажется* и др.), конструктивным типом (например, вопросительное предложение), интонационными факторами, средствами выражения ментальных операций предположения, колебания, кажимости являются модальные частицы (*чай, авось, небось, никак, поди, что ли, едва ли, вряд ли, будто, точно, словно, вроде, ровно, разве, неужели* и под.). К числу последних относится и частица *как бы*, которая включается в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых, прагматически обусловленных модализованных смыслов, несущих важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию.

Частица *как бы* включается в группу сравнительно-предположительных модальных квалификаторов. Наиболее характерная для неё семантическая функция – репрезентация авторского сравнительно-характеризующего предположения о событии или факте действительности: *Он всё ещё держал руку согнутой и морщился. Врач, натолкнувшись на него, даже как бы растерялся – он думал, что нервный пациент ушёл, а он тут* (В. Шукшин); *Он как бы подкрадывался, тихонько оглядываясь по сторонам* (газет. текст); *Мы оба с ней как бы дематериализовались друг для друга* (Г. Семенов); *Он как*

бы какою-то неумолимой отчётливостью увидел вдали железный мост, над которым струился горячий воздух (А. Ким).

С помощью частицы *как бы* говорящим переосмысливается факт осуществления связей между событиями, который приобретает в этом случае признаки потенциально осуществимого или предполагаемого: *Это был вроде как бы пароль* (А. Казанцев); *Цивилизации Древнего Египта, шумеров (Месопотамия) и ольмеков возникли как бы внезапно, словно получили какой-то неожиданный культурный импульс от неизвестной нам цивилизации Древнего мира* (газет. текст); *К Сухово-Кобылину... как бы вдруг начали прислушиваться* (газет. текст). Операция сравнительного предположения производится субъектом и распространяется на квалификацию объективных связей, отношений как возможных или вероятных.

Заметим, что семантически не опустошённая, «полноценная» частица *как бы* способна продуктивно актуализировать и собственно предположительные смыслы в высказывании: *Показалось, что он как бы возмужал за год* (Ю. Олеша); *Частеречное и категориально-грамматическое противопоставление слов в таких классификациях как бы перестает быть значимым* (Л. Васильев). На парадигматическом уровне это зафиксировано как включение предложения в парадигму по субъективно-модальному признаку достоверности/недостоверности сообщаемого, отражающее соотношение выражаемого предложением суждения с логическими категориями возможности и вероятности: *А то как бы в такую ночь не подъехал кто да не на-*

грёб зерна (журн. текст). Общепредположительное же значение частицы *как бы* может локализоваться в какой-либо конкретизирующий смысл. Например, нередко оказывается репрезентируемый частицей в высказывании квалификативный модальный смысл опасения: *Как бы он ещё сильнее не простудился!* (К. Чуковский).

Функционируя в речи, модальная частица *как бы* может нивелировать свою исходную семантическую составляющую. В этом случае она представляет собой элемент, с которым в результате действия процесса десемантизации за последние два десятилетия произошли серьезные смысловые и функциональные трансформации. Трансформация значения, а соответственно, и утрата активного смыслового лексико-грамматического потенциала получили своё развитие в том, что в настоящее время грамматически полноценная частица *как бы* с характерной для неё модальной сравнительно-предположительной семантикой и семантически опустошённый эквивалент *как бы* с нивелированным или же существенно трансформированным значением разошлись друг с другом и семантически, и грамматически, и коммуникативно-прагматически. Если грамматически полноценная частица *как бы* – это стабильный служебный элемент языка с чётко выраженной грамматической служебной и прагматической статусной составляющими, то являющаяся предметом рассмотрения семантически опустошённая частица *как бы* – речевое новообразование, в разных коммуникативных контекстах градуируемое как полностью или частично десемантизированный элемент.

Закономерный интерес к подобно-го рода элементам обусловлен ярким противоречием между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусами слова. Трансформация семантики частицы *как бы* обнаруживает диссонанс между понятийным, модельным и семантико-прагматическим функциональными параметрами компонента в языке и речи. Модальная частица *как бы* – это грамматически нормированный, функционально стабильный элемент языка. При десемантизации в речи функции частицы *как бы* значительно сужаются вплоть до полного нивелирования базовой семантической составляющей и появления омонимичного звукового комплекса с оригинальными и только ему присущими коммуникативно-прагматическими свойствами. Актуализация этой проблемы позволяет предположить, что подобные рассматриваемому новообразования в русском языке являются общностью функционально-прагматической.

В плане вышесказанного отметим, что у семантически опустошённой частицы *как бы*, с одной стороны, нивелирована значительная часть первоначального не только системно-грамматического (обслуживающего), но и функционально-прагматического модального потенциала: снижена либо сведена к нулю степень квалификативно-информативного воздействия на адресата-коммуниканта, уменьшен либо отсутствует аспект донесения до адресата базового субъективно-модального смысла сравнительного предположения. Модальная семантика исходной частицы *как бы* остаётся, таким образом, не актуализированной у десемантизированного эквивалента.

С другой стороны, семантически опустошённая частица *как бы* приобретает возможность выполнять в речевом высказывании и – шире – в процессе коммуникации ряд новых прагматических функций.

Во-первых, отметим функцию развития говорящим при помощи *как бы* смыслов выделения, акцентуализации авторского «я» (Ср.: *Я же сказал, я как бы приду сюда завтра в восемь часов; Ты как бы не расслабляйся; Я как бы не считаю, что к ней стоит прислушиваться*). Говорящий в данном случае использует семантически опустошённую частицу *как бы* для акцентуализации собственного мнения и в то же время донесения оценочного модусного смысла некатегоричности до адресата.

С данной функцией тесно связана другая функция частицы *как бы* – ограничительно-сочетаемостная. При выполнении данной функции семантически опустошённая частица *как бы* приобретает возможность прикрепляться или к предикату, или к компоненту высказывания, который говорящий желает выделить в смысловом аспекте, при этом семантически данный компонент актуализируется за счёт нивелирования исходной семантики самой частицы: *Ты как бы помолчи, если написать в ответ нечего* (Интернет); *Да как бы не к нему Сергей приходил* (Интернет). Модальная частица *как бы* в этом случае проявляет себя по-иному: репрезентируемые ею субъективно-модальные смыслы, хотя и оказывают корректирующее воздействие на семантическое поле взаимодействия с частицей компонента, однако осмысляются как прагматически ценные для говорящего и ком-

муникативного процесса в целом, поскольку направлены на квалификацию события и донесение данной квалификативной характеристики до адресата.

Третья весьма показательная функция *как бы* – это употребление семантически опустошённой частицы только в сфере активного диалога, в ситуации рассказа о произошедших или текущих событиях, к которым говорящий или имел прямое отношение (например, ситуация личного участия), или имеет эвиденциальное представление о данных событиях, проявляет заинтересованность в донесении, с его точки зрения, оценочной информации об указанных событиях до адресата.

Отдельно стоит отметить функцию скрепа, характерную для семантически опустошенной частицы *как бы* в сфере устной речевой коммуникации. Выступая в роли скрепа, рассматриваемая частица теряет полностью свою модальную семантическую составляющую и десемантизируется. В этом случае при помощи введения в высказывание семантически опустошённой частицы *как бы* говорящий может заполнять паузы, выравнивая таким образом речевые лакуны при раздумье.

И наконец, в некоторых случаях намеренное введение в речь семантически опустошённого компонента *как бы* может явиться результатом желания говорящего причислить себя к избранной сфере, например, к сфере бомонда или гламура. Необходимо, однако, отметить, что к настоящему времени уже частично утеряна составляющая «избранности» в семантико-прагматической сфере опустошённого слова *как бы*, а сама частица получает, как и в вышеописанном случае, функциональную нагрузку скрепа, употребляясь

в качестве элемента паузных связей, в некоторых случаях оказываясь на уровне речевых слов-паразитов. Данное, несомненно интересное, явление должно стать, как нам представляется, предметом специальных исследований в лингвистике.

Отметим ещё один важный момент. Частицы вообще, и предположительные частицы в частности, – это востребованный в речевом процессе класс слов. По частотности употребления частицы весьма продуктивны в обыденном языке общения. Русская разговорная речь насыщена ими. Весомая прагматическая составляющая в значении частиц позволяет служебному слову выполнять в речевом диалоге доминирующую коммуникативно-прагматическую функцию – доносить до адресата прагматически важные смыслы. В плане вышесказанного у семантически опустошённой *как бы* нивелирована значительная часть функционально-прагматического потенциала модальной частицы: фактически не проявляет себя функция воздействия на адресата, сведён к нулю аспект донесения автором до адресата коммуникативно облигаторных смыслов, которые интенцируются говорящим следующим образом: «я хочу, чтобы ты (адресат) знал о том, что я предполагаю, сравниваю, сомневаюсь, колеблюсь, снимаю с себя ответственность за истинность своего высказывания». В противовес этому частица-омоним – семантически опустошённая *как бы* – приобретает возможность выполнять функцию скрепа в речевом потоке.

Выступая в функции скрепа, частица *как бы*, как уже говорилось, теряет предположительную и сравнительную

составляющие своего значения: *Да ведь я как бы в магазин собралась; Мы же как бы в гости идём; Это как бы очень важный договор.* Частица *как бы* уже не может быть включена в группу знаков, основная функция которых заключается в обозначении особого, модального типа отношений. С другой стороны, семантически опустошённая частица остаётся, как и её полновесный эквивалент, фиксатором точки зрения квалифицирующего субъекта. Таким образом, семантическая опустошённость частицы *как бы* не является препятствием её функционирования в речевой сфере, в том числе и как знака коммуникативно сориентированного. Семантически опустошённая частица *как бы*, как и семантически полноценная модальная частица, в этом случае может быть охарактеризована как знак, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к коммуникативной ситуации в координатах «я – здесь – сейчас». В данном случае – в факте «проявления» личности говорящего – семантически полноценный и семантически опустошённый элемент *как бы* обладают схожими коммуникативно-репрезентативными характеристиками. Повторим, однако, что это лишь частность. Абсолютное же большинство дифференцирующих характеристик служит поводом для разведения рассматриваемых элементов в функционально-грамматическом, семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. В этом плане крайняя степень семантической опустошённости частицы *как бы* представлена тогда, когда она выполняет речевую функцию заполнения пауз. В том случае, если данная функция превалирует над

всеми остальными, частица функционально уподобляется слоговым паузам и является словесным мусором. В иных случаях целесообразно вести речь лишь о частичной смысловой опустошённости частицы *как бы*, имея при этом в виду то, что функция замещения смыслового потенциала проявляет себя порой очень ярко в речевом коммуникативном акте.

Выводы. Исследование коммуникативно-прагматических характеристик семантически опустошённой частицы *как бы* подводит к выводу о том, что данный речевой элемент может функционировать в речи и как полностью семантически опустошённый, десемантизированный (скреп), и как фиксатор точки зрения квалифицирующего субъекта, служащий для привлечения внимания собеседника к авторскому «я», а также акцентивации какого-либо из элементов описываемого в коммуникативном процессе события. Таким образом, частичная семантическая опустошенность частицы *как бы* не является препятствием её функционирования как знака коммуникативно ориентированного, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к речевой ситуации общения в координатах «я – здесь – сейчас».

Затронутые в статье проблемы являются, на наш взгляд, интересными в своём историческом развитии и современном состоянии, так как актуализируют одну из граней языковой прагматики в аспекте изучения степеней семантической опустошённости языковых элементов в разговорной речи. Последнее открывает перед исследователем достаточно обширные перспективы описания функций языковых

элементов в речевой сфере. Актуализированные в статье проблемы являются, как нам думается, интересными для пристального изучения лингвистами, поскольку проявляют область человеческого фактора в языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильева А.Н. Частицы разговорной речи. М.: Изд. МГУ, 1964. 186 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1984. № 8. С. 142-149.
4. Лекант П.А. Предложение и высказывание // Строение предложения и содержание высказывания. М.: Изд. МОПИ, 1986. С. 3-8.
5. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М.: Наука, 1985. 169 с.
6. Стародумова Е.А. Русские частицы. Владивосток: Изд. ДГУ, 1997. 68 с.
7. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 447 с.
8. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск: Наука, 1977. 191 с.
9. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. 378 с.